

12+

РЕФЛЕКСИЯ ЧУВСТВ

о сироте, потерявшей смысл жизни в
потрепанных дневниках

Анастасия Рогозина
Рефлексия чувств

«Автор»

2019

Рогозина А. А.

Рефлексия чувств / А. А. Рогозина — «Автор», 2019

Когда Диля очнулась в больнице, весь мир рухнул. Она даже не помнит своего имени, а родители погибли в автоаварии. Ее жизнь превратилась в кошмар: соседка-самоубийца решила ее удочерить, отобрать квартиру, а все ее воспоминания хранятся в потрепанных дневниках. Когда-то для девушки они были всем: друзьями, родными и каждым днем ее жизни. Дневники стали единственным лекарством от амнезии, пока Диля не научилась по-настоящему ценить свою чертову жизнь и каждый ее миг.

© Рогозина А. А., 2019

© Автор, 2019

0

Я нашла эти записи, когда собрала вещи. Куча пыльных старых бумажек, с порванными листами и ароматом сирени. В них были все мои мысли, эмоции, чувства и желания. Маленькая Дия любила дневники и блокноты больше, чем своих родных и друзей. О чем, кстати, пожалела. Ведь человек не сразу понимает, что и сколько он потерял, верно?

Я вела дневники с восьми лет. Они были больше, чем бумажками – они были моей жизнью. Моими тайными друзьями и собеседниками. Являлись лучшим, что было на земле. А потом я потеряла все: друзей, родных, средства к существованию и свою память. Это произошло в феврале; когда снег в Санкт-Петербурге становится непредсказуемым явлением, он сначала тает, и снова валит сугробами. Мы тогда ехали к родственникам, путь был долгий и проходил в лесополосе (а где еще он может проходить?). Во время дороги я очень устала, и, дослушав музыку до потери зарядки телефона, я сомкнула глаза. Я не помню, что я тогда слушала, где мы ехали, что мне снилось. Я резко открыла глаза, яркая вспышка света, грохот, звон разбитого стекла, адская боль. А дальше – как в тумане.

1

... Я очнулась в больнице. Яркий свет немного слепил глаза, когда я впервые их открыла. Что со мной произошло? Что я здесь делаю?

Комната, в которой я проснулась, была чистой, но не совсем уютной. Я оглянулась, слегка повернула голову, но даже это движение далось мне с трудом и отозвалось болью. Я лежала на кровати, ко мне была подсоединена капельница, которая раздражала своим пищанием. Рядом стояли две заправленные кровати; две тумбочки, а в уголке комнаты была раковина и мусорка. За дверью слышались чьи-то голоса и шаги. Больница гудела, как рой пчел: тут и там жужжали разговоры, бегали маленькие дети, ходил медперсонал. Слабая пластиковая дверь в палату закрывала меня от мира сего, а я и рада. Слышать многочисленное жужжание разговоров мне не очень хотелось. Вскоре быстрые шаги приблизились ко мне, скрипнула дверь, и в комнату вошла незнакомая женщина. Она была в синем пиджаке, серых рваных джинсах и наскоро накинутом белом халате. Я уже открыла рот, чтобы что-то спросить, но она опередила меня:

– Дия, наконец-то ты очнулась! Какое счастье, что я увидела тебя живой, – со слезами на глазах сказала женщина. Я лишь недоуменно нахмурила брови; кто она?

Я оглядела ее с головы до ног: на вид ей лет 40, блондинка, на щеке небольшой шрам, а руки до жути холодные – она попыталась обнять меня. Но я ее оттолкнула, спросив очевидное:

– Кто вы? Откуда вы меня знаете?

Женщина отстранилась и вскинула кустистые брови:

– Как же? Ты меня не помнишь? Я Вика, мать твоего лучшего друга.

В комнатку вбежали двое мужчин и девушка; они были взволнованы, их глаза блуждали по комнате и остановились на незнакомке, которая минуту назад назвала меня Дилей.

– Женщина, неужели вы не понимаете русского языка? Вам же ясно сказали, что пациенту необходим покой, а вы врываетесь в самое ненужное время! – яростно кричал один из мужчин, схватив женщину за руку.

– Но и вы меня поймите! – вырвавшись, ответила незнакомка. – Ее родители погибли, а я являюсь единственным человеком, который может помочь ей!

Что? Родители погибли? Да что за чертовщина происходит в этом ужасном месте?

– Мы прекрасно вас понимаем, но прекратите эти крики и выйдете из палаты.

Блондинка зло посмотрела на мужчину, и, улыбнувшись мне на прощание, быстрым шагом вышла из комнаты.

– Наконец-то, – вздохнул другой мужчина. – Попадают же бешеные...

Девушка, которая все время наблюдала за перепалкой, понимающе кивнула и подошла ко мне:

– Здравствуй. Я – твоя медсестра, и мы очень рады, что ты проснулась. У тебя не было признаков жизни около недели, словно ты погрузилась в вечный сон. Как ты себя чувствуешь?

«Ужасно,» – подумала я. Я очнулась в больнице, и со мной общаются незнакомые мне люди. Но я решила, что мое внутреннее состояние здесь никого не волнует, поэтому сухо ответила: «Хорошо.»

– Здорово! – ответила медсестра, хлопнув в ладоши. – Сейчас тебе нужен покой, а потом мы вместе пойдем на арт-терапию.

– Постойте, но что со мной случилось? Как я здесь оказалась? – остановила я медсестру, которая уже была в дверях.

Девушка лишь недоуменно на меня посмотрела; ее брови были нахмурены, а карие глаза красиво сверкали при свете комнаты. Она постояла молча, задумавшись, а затем спросила:

– Диля, а ты что-нибудь помнишь?

Этот вопрос поставил меня в безвыходное положение. Хотя, я ведь даже не знаю, как меня зовут. Или «Диля» – это мое имя?

– Нет, я даже не знаю, кто я.

Медсестра глубоко вздохнула, расстроившись.

– Не волнуйся, я сейчас поговорю с твоим врачом, и после покоя вернусь.

Так вот, что это были за мужчины? Один из них мой лечащий врач. Но если два мужчины и медсестра – это медперсонал, то кто та женщина? Она называет себя «тетей Викторией», и что-то сказала о моих родителях. Вроде, что они погибли. Но как? Почему оказалось, что я проснулась вот так...

...я проснулась одна.

2

В тот день я узнала свою болезнь – ретроградную амнезию. Когда ты теряешь память, но не помнишь только все, что было до момента происшествия. А вот все остальное воспринимается и запоминается очень ярко. В этом я сама убедилась: в тот злосчастный день, когда очнулась в этом здании.

В больнице я находилась около месяца. На своей руке я заметила небольшую надпись: «дерзай и живи так, как хочешь. (с) Регина.» Я не знаю, что это за татуировка, и что за девушка Регина. Я практически ничего не помню, а татуировка на руке лишь добавила загадочности. Я повторяла эту фразу каждый раз, когда взглядывала на руку. Я отчаянно повторяла ее снова и снова, пытаясь вспомнить, когда и зачем у меня на руке появилось это тату. Татуировка настоящая: это подтвердила медсестра. Тату не смывалось и всегда оставалось неизменным. Хотелось бы, чтобы это была единственная зацепка для воспоминаний, но она оказалась лишь еще одной проблемой и вопросом. Я никак не могла вспомнить, что это за тату. В конце концов, просто сдалась. А вскоре перестала обращать внимания на татуировку.

Каждый день в больнице я повторяла одно и то же: кушала, спала, проходила терапию и ходила на обследования. Немного вспоминала свою жизнь, родителей, друзей. Воспоминания давались мне с трудом, каждое приносило боль и усталость.

Медсестра с каждым днем становилась мрачнее. Я узнала, что ее зовут Юлия, она замужем, пару раз путешествовала за границей; но из-за кризиса в стране, тяжелой болезни матери и собственных убеждений она осталась в Санкт – Петербурге, работать и лечить маму. Она никогда не говорила о своих проблемах, была замкнута в себе и часто говорила, что во многих проблемах людей виновато правительство. Я так не думаю, но разве обречённого человека убедишь, что в проблемах виноват только он сам?..

Ко мне иногда приходила тетя Вика. Она рассказывала мне о своем сыне, о том, что мы хорошие друзья еще с детского садика. Тетя Вика говорила, что они с моей мамой очень хорошо общались, что живет Вика в одном доме со мной, что часто будет навещать меня и помогать мне, чем сможет. Я безумно благодарна этой женщине, потому что в часы потрясений она спасала меня от одиночества. Но в некоторые часы покоя, когда Вика не приходила, мне хотелось плакать от одиночества и внутренней боли, от которой не спасали лекарства. Эта боль проявлялась в некоторые моменты, например, когда я подходила к зеркалу и видела шрамы на лице, полумесяцы под глазами и бледно-туманную кожу. Я превратилась в зомби, пока проходила лечение! Мне это жутко не нравилось, и я думала, что в реальной жизни выгляжу именно так. Я не помнила, как выглядели мои темные волнистые волосы; не помнила своих румяных щек; не помнила огоньков в глазах. На меня смотрело лишь чудовище, и убеждало в моей ничтожности.

Кто-то мне сказал, что нелюбовь к себе – странная штука. Ее не заметишь сразу, но спустя время она поглотит твоё сознание, и ты утонешь в ненависти. Страшнее то, что после погружения на дно, ты потянешь за собой других людей. Если это движение к ненависти не остановить, весь мир погрузится на дно темного океана.

Я не помню, кто и когда мне это говорил, но фразу я запомню навсегда. Ведь от любви до ненависти всего один малюсенький шаг, который может превратить жизнь в череду неудач. Впрочем, в больнице отношения с соседями не налаживались: пациенты были либо обреченные, как я, либо очень злые и обиженные на жизнь. Было несколько человек, но они то пропадали, то снова блуждали по коридорам. Мне даже начало казаться, что они плод моего воображения; полупрозрачные люди в белых халатах, с улыбками на лице и звонким смехом. Они разговаривали, шутили, веселились на полную. Иногда я задумывалась: либо у меня крыша поехала, либо у этих людей. Странные видения были только у меня, но я точно их видела! Юля сказала, что это побочные действия от лекарств, не более. Что ж, я ничего в этом не мыслю, но эти видения стали лучшей штукой для выздоровления. Мне хотелось поскорее свалить из этого места, от него веяло грустью и болью.

3

День двадцать седьмой.

Я уже потеряла счет времени. Я не знаю, сколько осталось до моего выздоровления, не знаю, что происходит со мной и моими чувствами. Из-за ужасных видений я долго отказывалась от лекарств, но меня заставили выпить все до единой капли.

Я ужасно хочу домой. Но так ли хорошо дома, как кажется? Сейчас у меня нет ни документов, ни денег, ни вещей. У меня ничего нет, кроме рюкзака, который я брала в дорогу, когда мы уезжали к родственникам. По словам медсестры, мои родители погибли. Их не успели спасти; они продержались весь путь до реанимации, ехали около часа, но в самой реанимации не выжили. Сказать, что мне обидно – ничего не сказать. Проснуться в незнакомом месте, в одиночестве, да еще и с амнезией! Чем я могла так нагрешить, что заслужила эти страдания?

Иногда я представляю, что было бы, если бы родители выжили. Как они бы выздоровели, мы вместе справились бы со всеми трудностями. Родители помогли бы мне вспомнить все счастливые и грустные моменты моей жизни; мы бы вернулись домой, и стали жить счастливо. Я бы каждый день видела их улыбку, слышала сладкое «доброе утро» и спокойно радовалась жизни.

Жаль, что на самом деле все вышло не так, как хотелось. Суровая реальность меня подвела. Теперь я не только вернусь домой одна, мне придется собрать вещи и поехать к бабушке. Бабушка, папина мама, ни разу меня не навестила, хотя живет в Питере. От нее не было ни слуху, ни духу. Между разговором, Вика иногда говорила, что бабушке плевать на меня. Что она никогда не воспринимала мою мать всерьез, и у них были напряженные отношения. «Кто

знает, может, после смерти твоего отца, она изменит свое мнение,» – пожимала плечами Виктория.

– А что ты думаешь по этому поводу? – спросила у нее я. Виктория гораздо старше меня, и ее мнение мне было интереснее.

– Я не знаю всей ситуации, поэтому судить никого не буду, – задумчиво начала она. – Но я думаю, что бабушка слишком контролировала своего сына, а ведь твой папа говорил, что у него есть сестра, – продолжала Вика, глядя в пол.

– Сестра? То есть, у меня есть тетя? Я могу ей позвонить? Она что-нибудь знает о моей жизни, родителях? – сразу засыпала вопросами я.

– Тихо, тихо, погоди, – засмеялась Вика, подняв руки вверх. – На самом деле, он мало говорил о своей сестре, но дома ты сможешь поискать ее номер. Наверняка он есть в телефонной книжке твоего отца.

– Кто-то еще ведет телефонные книжки? – я выгнула левую бровь, посмеявшись.

– Нет, но твой отец был из тех времен, – тётя Вика махнула рукой назад, показывая, насколько древним был мой папа. Мы вместе засмеялись, но ей было пора уходить. Она кивнула на прощание и ушла. Я снова осталась наедине с собой.

Тогда я получила одну единственную зацепку: у меня есть родственники, и возможно, я смогу с ними связаться. Нужно лишь собрать волю в кулак: я смогу сделать все, что нужно. Я должна найти родственников, маминых или папиных. Это поможет мне восстановить свою память!

4

Настал тот день, которого я ждала все это время: я наконец-то уйду отсюда. Меня выпишут. После проведения небольшой лекции о том, как стоит переходить дорогу, как спокойно выживать и жить в удовольствие, я забрала свои документы и вышла из больницы.

У этого случая было две стороны медали: с одной, я уйду из ужасного места, где была одна и не чувствовала любви. А с другой, я по-прежнему одна, без поддержки и любви, только сейчас я в городе, в обществе, к которому нужно привыкнуть.

Мимо меня проходили люди, вечно куда-то спешащие; их сонные лица давали знать, что за работой они не спали несколько дней. В таком большом городе, как Санкт-Петербург, всем плевать на остальных. Все равно, как кто одевается, выглядит, чем занимается и что чувствует. Стрелочка на навигаторе телефона помогла не потеряться в этой огромной толпе, и я спокойно шла по указанному адресу. Мне сказали, что это мой дом. Но я не думаю, что как только я вернусь домой, сразу все встанет на места. Точнее, уже давно ничего не будет, как прежде. После автокатастрофы я не буду как прежде.

Об автокатастрофе мне рассказали в больнице: это причина гибели моих родителей и моей потери памяти. Как выразилось несколько сотрудников больницы: «Неудивительно, ведь в феврале часто происходят автоаварии.» Тогда я усмехнулась; для них это неудивительно, а я уже месяц жила в этом неуютном месте, без родителей и памяти.

Я запомнила разговор с Викой; мне нужно вернуться домой, порыться в вещах родителей (как бы больно мне не было) и найти номера всех родственников, которые могли бы мне помочь. В больнице меня собирались отправить в детский дом, но Виктория напомнила, что у меня есть бабушка, и одна я точно не осталась. Я сотню раз благодарила эту женщину; она спасла меня от одиночества, помогла в трудный момент и продолжает помогать. Похоже, что они с мамой действительно очень хорошо общались.

Я спокойно шла по улице, следовала навигатору. Около дома меня должна была встретить Виктория. Ключей от дома я не нашла даже в рюкзаке, и у тети Вики их тоже не было. Но вдруг

она вспомнила, что ключи есть у моей соседки; когда мы уезжали, она должна была поливать цветы и присматривать за квартирой.

Кажется, что моя жизнь налаживается. Но никто не знает, что ждет меня дальше. А очень хотелось бы; представь, что у каждого жителя планеты есть часы, которые показывают, сколько ему осталось жить, что его ждет впереди, какие ошибки он совершит. Но тогда жить было бы не интересно! Человек не мог бы учиться на ошибках, если он их не допускал. Знать, какие препятствия ждут тебя впереди слишком скучно.

Ведь жизнь похожа на бескрайнее плавание по огромному океану. Ты спокойно плывешь на своей мирной лодке, дышишь свежим морским воздухом. У тебя над головой ясное голубое небо; под лодкой лазурная гладь океана, в которой отражаются чайки и облака, летящие в никуда. Но вдруг начинается шторм. Поднимаются громадные волны, бросают твою маленькую лодку из стороны в сторону. Ты уже не видишь горизонта, чаек, свою лодочку; ноги тяжелеют; морская волна вновь накрывает тебя, ты захлёбываешься водой. Утром просыпаешься на острове, а от прошедшего шторма не осталось следа, кроме разбитой лодки и порванной одежды. Ты начинаешь снова ее строить, остаешься без пропитания, которое сам должен найти.

Какие бы проблемы у тебя ни были, ты сама попадаешь в шторм, тебя одолевают опасности и препятствия. Все это ради того, чтобы проверить, как долго ты сможешь плыть.

5

На улице было грязно и сыро, но домой я возвращаться не хотела: меня не ждут.

Вдруг меня посетила страшная, но правдивая мысль: «А на что я буду жить?» Похоже, что придется пойти на работу. В больнице мне рассказали о всяких штуках для учебы и работы. Изначально меня должны были отправить в детский дом, но я не согласилась, а «тетя Вика» сказала, что у меня есть бабушка. Один раз я слышала, как она проболталась, что бабушке я не нужна, она устраивает свою жизнь. Все мои звонки она сбрасывала трубку, и я окончательно убедилась, что я одна.

Шлепая по воде, я дошла до кирпичного здания, моего дома. Оно было многоэтажное, может, этажей двадцать или тридцать. У здания меня ждала Виктория.

– Здравствуй! Это – парадная, – Вика провела меня к третьей двери дома.

Я подошла к домофону, набрала случайный номер квартиры, зажала нос пальцами и сказала:

– Откройте, пожалуйста, почта.

На другом конце хмыкнули, но дверь открыли.

В подъезде пахло сыростью, на первом этаже перегорела лампочка, стены исписаны признаниями в любви и нецензурными словами. Да, это точно мой подъезд.

Я поднялась на свой этаж; оглянувшись, чтобы найти дверь своей квартиры, как вдруг открылась соседняя металлическая дверь. Из квартиры мягко вышла женщина в тапочках, она несла тарелку с чем-то вкусным, что можно определить по запаху. Худенькая, русые волосы и карие глаза; круглое лицо, небольшой аккуратный нос. Женщина в тапочках, увидев меня, радостно сказала:

– Деля, какой приятный сюрприз!

Я недоуменно повела левой бровью – снова незнакомая женщина, которая знает меня. Скорее всего это та самая соседка, у которой должны быть ключи.

– Простите, я ничего не помню, вы моя соседка?

Женщина чуть не уронила тарелку; от удивления ее зрачки глаз расширились, или это от темноты в коридорчике.

– Да, я ваша соседка! Меня зовут Галя, и я очень хорошо дружила с твоей мамой.

Я кивнула; соседка выглядела сонной: растрепанные волосы, накинутый на домашнюю одежду халат, тапочки, немного смазанная тушь.

– У вас случайно нет ключей от моей квартиры? Я не знаю, куда делись мои.

– Да, есть! Когда вы уезжали к родственникам, я поливала ваши цветы. Не хочешь зайти на чай?

– Давайте зайду, я никуда не тороплюсь.

– Хорошо! Мне нужно лишь отнести эти булочки соседям снизу, – подмигнула мне Галя. – Они просто обожают выпечку, а я в этом мастер!

Галина открыла металлическую дверь, и я прошла в небольшой коридорчик; в квартире было очень светло и уютно, несмотря на старую мебель и маленькую жилплощадь.

Я сняла куртку и повесила на крючок, разулась, оставила рюкзак у входа и пошла на кухню. Присела за круглый бежевый стол, стала ждать Галину. Пока ее не было, я решила оглядеть комнату: походила из стороны в сторону, разглядела фотографии на стене. Около окна, на подоконнике, стояла стеклянная баночка, а в ней был пепел и сигареты. Невольно я скривилась: ужасный запах исходил от этой баночки, но не распространялся на всю кухню.

Я услышала, как захлопнулась металлическая дверь. Запыхавшаяся соседка прибежала на кухню и поставила чайник на плиту.

– Присаживайся, что стоять-то, – сказала Галина.

Я вновь присела за стол и снова рассмотрела интерьер. Кухня Галины была оформлена в морском стиле: голубые, синие, бирюзовые тона; элегантные, но одновременно простые приборы, чашки, тарелки; панорамные окна; картины в деревянных рамах с завитками. Глаз зацепила яркая картина. На ней изображен шторм, алый закат и несколько путников на остатках корабля. Галина встала около плиты, достала все возможные вкусности и положила на стол, а затем спросила:

– Что случилось с тобой и родителями?

Я оторвала глаза от картины «Девятый вал». На деревянной раме с завитками было написано название и автор. Рама была не просто с завитками; в дереве были вырезаны часы: наручные, настольные, с кукушкой, и современные. Вся композиция дополнялась часовыми стрелами самых разных завитков и форм.

– Нравится картина? Или рама? – ухмыльнулась соседка.

– И то, и другое.

– Дизайн картины напоминает мне о времени. Что оно быстротечно, и его нельзя остановить.

– Время – это всего лишь иллюзия.

Галина снова ухмыльнулась и вскинула брови. Развернулась ко мне спиной, достала две кружки, чай, сахар.

– Я бы спросила, какой чай ты любишь, но помню лучше тебя, что зеленый, – усмехнулась она.

– Мне все равно, какой чай пить. Главное, чтобы беседа была хорошая.

Я улыбнулась; жаль, что соседка не видела эту улыбку. Что сказать, если меня хотят подколоть, я усмехнусь в ответ.

– Ты так и не рассказала, что с вами случилось, – заметила Галя, сменив тему.

– А что помните вы? Куда мы уезжали? Когда?

– Я помню, что вы уезжали в начале февраля. Прошел месяц с того момента. Вы ехали к Рининым родителям, и должны были пробыть у них две недели.

– К Рининым?

– Да, твою мать звали Рина. А отца – Максим.

– Этого мне даже Вика не рассказывала, – удивилась я.

– Вика? Мать твоего друга? Она приходила к тебе?

– Да, часто. С ней очень здорово! Она столько всего мне рассказала!

– Как бы она неправды тебе не наговорила, – нахмурилась Галя.

Я замолчала. О чем она говорит? Даже представить не могу, что такой человек, как Виктория, может меня обмануть. Обмануть насчет моего прошлого!

– О чем вы говорите?

– Виктория может быть не той, за кого себя выдает. Впрочем, я считаю ее слишком строгой и самовлюбленной.

– Вы неправильно считаете, – надула щеки я.

– У всех есть право считать так, как показывает собственный опыт.

– Сплетни – это тоже собственный опыт? – выгнула бровь я.

– Хватит ненужной болтовни! Расскажи, что с тобой случилось. – вспыхнула Галя.

Похоже, что моя последняя фраза ее разозлила.

Я закрутила прядь кудрявых волос на пальце. Чайник закипел, и свисток на носике засвистел громче, чем любые звуки, которые я помню. Соседка выключила плиту, взяла прихватку и налила чай в кружки. Поставила их на стол; из бирюзовой кружки шел ароматный пар; кажется, пахло мятой.

– Мы попали в аварию, и родители не выжили, а я потеряла память, – сказала я.

– Тебе, должно быть, очень грустно, – задумалась Галя. – Но ничего страшного: все, что не убивает, делает нас сильнее.

– Типичная фраза, ее знает каждый.

– Популярность не делает ее лживой.

Соседка шумно сделала глоток чая. Побарабанила пальцами по столу, беспокоясь. Она открыла один из бежевых ящичков; в нем лежали свечи для тортов, различные трафареты для выпечки и печенья, пачка сигарет и несколько зажигалок. Галя взяла одну сигарету и зажигалку, зажгла конец сигареты и отвернулась в сторону форточки.

– Вы курите? С каких пор?

– С тех самых, когда потеряла семью. Ах да, ты ведь не знаешь: мой муж покинул меня, когда мне исполнилось сорок пять лет. С тех пор я живу одна, остальные мужчины мне не нравятся. Сигареты – единственное спасение в этой жизни. Они спасают меня от боли.

– В мире миллионы сигарет, но не все спасают от боли, – заметила я

– Что ты хочешь этим сказать?

– Хочу сказать, что зависимость не помогает и никогда не поможет справиться с болью. Вы просто привыкли думать, что жизнь полна несчастий и единственный выход – тратить здоровье на хоть что-то, пусть и на всякую гадость. Ваша боль – это лживые убеждения. Единственное, что делают сигареты – убивают. Жестоко убивают! А Вы слепо верите, что всё хорошо и получаете удовольствие от собственных плохих мыслей. А это точно не спасёт от вечного одиночества.

– А ты умнее, чем кажешься.

– А вы глупее.

Галя усмехнулась, выдохнула очередную порцию едкого дыма в форточку. Слышно тиканье настенных часов. Я решила, что через пятнадцать минут я возьму ключи от своей квартиры и уйду. Мне еще нужно поискать документы и фотографии в семейном архиве. Галя продолжала выдыхать дым в форточку, задумавшись. А затем спросила:

– Сама-то хоть раз курила, м?

– Не-а. Только проблем с легкими не хватало; даже если курила, я об этом не помню.

– Если бы ты курила раньше, сигареты и едкий дым вызвали отклик у тебя в душе. Так всегда происходит, когда ты видишь или слышишь то, что нравится. Ты это чувствуешь.

Все-таки, моя соседка какая-то странная. С одной стороны, она курит, страдает по покойному мужу, живет в одиночестве, а с другой – хорошие вещи говорит, выпекает вкусности.

Галина наблюдала за моим выражением лица; точнее, какое впечатление на меня производят ее редкие фразочки.

– Я прекрасно понимаю, каково это – терять близких. Но не иди по моим стопам, нужно жить дальше, – усмехнулась она.

– Да, но я не знаю, как жить дальше.

– А что ты собиралась делать, когда тебя выпишут из больницы?

– Я должна была собрать вещи и ехать к бабушке, – грустно ответила я. – К той самой, которая знать обо мне не хочет и при первой возможности избавится от меня.

– Это тебе Вика рассказала?

– Я сама так думаю.

Повисла неловкая пауза. Этот момент на морской кухне соседки словно длился вечность; Галина думала, крутив на пальце локон волос, а я рассматривала чайники на дне кружки, мешая их ложкой. Они собирались в дружный танец, и ходили по кругу.

Внезапно соседка решила нарушить тишину:

– Может, мне тебя удочерить?..

От такого неожиданного предложения я спрятала взгляд в кружке. Даже если я соглашусь, это так странно: почти незнакомая женщина (которая, возможно, меня не так хорошо знает) предлагает удочерить меня и взять ответственность на себя. Думаю, что для меня хуже уже не будет. Я согласилась, и Галя очень обрадовалась. Да и ей хорошо: не нужно сидеть в вечном одиночестве. Я еще сотню раз просмотрела этот момент у себя в голове. Чем я думала? Но что ни делается – все к лучшему, верно?

Жаль, что тогда я не задумывалась, какую ужасную ошибку совершила.

6

День тридцать третий.

После разговора с Галей я пошла в соседнюю квартиру. Мы с Галей договорились, что удочерение обсудим позже, а я вернусь домой и отдохну от стресса за последний месяц.

Я зашла в квартиру моих родителей; моей семьи. Я открыла дверь, и в нос ударил запах кофе. Грустно возвращаться в опустевший дом. Здесь остались вещи хозяев: книги, халаты, тапочки, ежедневники... только людей уже нет. Дом – это когда при виде вещей, мебели, при чувстве запаха, который есть только у твоего дома, возникает родное чувство. Ты словно оказался в том месте, которое искал всю жизнь. И, когда ты нашел свое место, ты становишься счастливым.

Жаль, но у меня все далеко не радужно: в доме было пусто. Запах, вещи, интерьер остались такими, какими были. Но теперь это не родное место. Здесь не появляется чувство родного, того, что отзывается мягким светом и надеждой в душе. Появляется лишь тяжелая тоска и печаль, словно кто-то выключил свет. Источник света и смысл его искать потерян. Столько произошло в этой квартире: помню, как мы только заехали, и это были ледяные и серые стены. Но спустя несколько месяцев и перерывов мы сделали из холодных и бездушных стен настоящий уютный уголок, где нет места злости и обидам.

Казалось, что ничего не изменилось; но я точно знала, что как раньше же не будет. На крючках висели куртки, кофты, под ними стояла обувь. Я подошла к зеркалу и тумбочке: на ней стояли духи, различная косметика, бумажки, вроде списка покупок или задач на день. Я вдохнула аромат духов; и сразу вспомнилось что-то родное, доброе... Похоже, что этими духами пользовалась мама.

Я прошла в гостиную; часть комнаты отделялась нитяными шторками, а за ними стояла огромная кровать, туалетный столик и комод-гардероб. Мне очень хотелось рассмотреть вещи родителей, но больше хотелось поискать документы и блокноты. Один из маленьких черных

блокнотов я нашла на полке в гостиной; на обложке были записаны имя и фамилия моего отца, а сам блокнот был заполнен задачами, телефонными звонками, встречами. В ящиках тумбочек и шкафов было очень много бумаг; а один раз я нашла альбом с фотографиями. Я присела на диванчик, открыла альбом. В самом начале были черно-белые фотографии; на них были изображены дети. Все девочки на фото были в сарафанах, огромными бантами и красивыми косичками, хвостиками; мальчики были в чем-то, похожем на костюм; рубашки, брюки. Все дети построены в ряды, а выше, в середине верхнего ряда, стоит женщина. На обратной стороне фотографии написано: «Первый «А» класс, третья школа.» Теперь мне стало понятно: на этой фотографии кто-то из мои родителей в первом классе. Мне стало очень стыдно! Посмотреть на фото своего родителя в первом классе, и даже не догадаться, кто из детей твоя мать или твой папа. Я ведь их даже не помню...

Тогда я продолжила листать фотографии: свадьба моих родителей, бабушки и дедушки, счастье и улыбки на каждой фотографии. Мое рождение: мама держит меня на руках, а рядом стоит папа с букетом цветов. Все так рады, когда я появилась на этот свет; столько счастья вселенная подарила мне при рождении. Похоже, что радости при рождении слишком много, поэтому вселенная решила забрать главное мое счастье. Людей, которые меня любили. И я их любила. Сейчас люблю больше, чем когда-либо. Жаль, что больше всего любви ты хочешь подарить, когда жизнь отбирает все радости...

Жизнь – боль.

Я продолжила рассматривать фотографии. На альбом уже капал соленый дождь, а каждое изображение вызывало тяжесть на сердце. Вот я маленькая – сижу у папы на руках; на фоне природа, сзади отца несколько людей сидят на пледе; похоже на пикник. Рядом протекает речка, а по белым одуванчикам можно определить, что это июнь.

Вот еще одна фотография: мой день рождения. Я задуваю свечу на торте; свеча – цифра «5», торт с кремом, на нем изображены знаменитые феи с крыльями. На моем лице сияет улыбка. Будет ли теперь все так хорошо? Я посмотрела на обратную сторону фотографии, написано число и подпись: «Нашей Диле пять лет. 25.08.»

Я решительно закрыла альбом. Не хочу больше мучать себя этими фотографиями. Продолжила искать хотя бы одну телефонную книжку, блокнот, или хоть что-то, связанное с другими родственниками. Мне удалось найти телефонную книжку отца; она лежала на поверхности, а номера в ней были разделены по категориям, вроде: «Родственники» или «Коллеги». В колонке «Родственники» я нашла надписи «сестра», «теща», «сестра Рины», и еще множество номеров. Я судорожно набрала номер сестры отца.

Послышались долгие гудки; кажется, они длились целую вечность. Я долго ждала, пока мне ответят. Гудки, гудки, гудки. Когда надежда на ответ уже пропала, трубку взял незнакомый, грубый мужской голос.

– Алло, да? – сухо сказал он.

– Здравствуйте, я Диля Варфоломеева, у вас таких не найдется? Я ищу сестру своего отца.

– Прости, девочка, но ты ошиблась номером. Не звони сюда больше.

– Но нет, постойте! – прикрикнула я. Но звонок был завершен.

Тогда я позвонила еще раз, и еще, и еще. Мужчина даже не объяснил мне ничего, а я ничего не узнала. Я звонила и звонила, и гудки шли с каждым разом все медленнее. Я не могла просто так сдаться, ну не могла! Но звонок стали сбрасывать, и я уже точно ничего не узнаю.

Тогда я решила позвонить на номер моей бабушки. Мамина мама – у папы записана как «теща», а рядом «(Анна Николаевна)». Я снова набрала номер, послышались гудки. Я уже скрестила пальцы в надежде, что хоть кто-нибудь возьмет трубку. Но железный голос автоответчик лишь промолвил: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны доступа.» Я отбросила телефон на кровать; я сдалась. Пора смириться с тем, что я могу остаться одна. Сей-

час я не одна: у меня есть тетя Вика, Галя, но даже они не так хорошо знают и понимают меня, как родители. Кажется, я должна смириться с тем, что родителей больше нет. И остальным родственникам все равно.

Я прислонилась к стене, и по щекам снова полились слезы. Я обязана пережить весь этот ужас, просто обязана. Хотя бы ради себя. Глаза стали слипаться, от усталости уже нет сил на слезы. Я легла на кровать родителей, усталость взяла свое, и я уснула.

7

Все тот же, тридцать третий день.

Я проспала вечером, когда за окном уже было темно. Часы на телефоне показывали 20:34; я проспала почти весь день. Я чувствовала себя лучше, чем до этого. Я встала с кровати, сделала небольшую зарядку и прибралась в комнате. Мне нужно было чем-нибудь заняться, и я пошла на кухню; включила свет, поставила чайник. Интересно, а какие памятные вещи есть здесь?

На холодильнике висело множество магнитиков из стран, обычные круглые магниты закрепляли списки, рецепты, фотографии. На фото – моя семья, я, праздники. Пока чайник не закипел, я прибралась; выбросила всю еду, которая испортилась за этот месяц, помыла посуду.

За эти несколько часов я прочувствовала, как же трудно жить одной. Все хозяйства сразу на тебе: уборка, посуда, обед и ужин, покупка продуктов, деньги для закупки продуктов. Чуть позже я должна обговорить удочерение с Галей и найти нужные документы, а пока я просто попою чай. Скорее бы найти больше информации о себе, о своем прошлом. Надо бы заглянуть в свою комнату. Может, в ней я найду самую важную информацию о себе, или незначительную, но все же. Зачем гадать, если можно встать и сделать?

Но точно не сейчас. Меня тяготило ощущение того, что я раньше жила в том доме. И в глубине души был страх: вдруг мое прошлое окажется не таким, каким я его представляю? Вдруг меня не любили в этой семье, а все доброе отношение сейчас – всего лишь обман? А если я окажусь плохим подростком, неблагодарной дочерью или чего похуже? Что, если... ах да, я напишу об этом завтра. Сейчас я допиваю чай на чистой кухне и мне снова хочется спать.

Пока есть чуть энергии, расскажу, что это и куда я это пишу.

Я отырла новый блокнот в своем рюкзаке. Я брала его в дорогу; может, я собиралась писать заметки в поездке? Или собирать гербарий? Кто меня знает? Сейчас я знаю себя хуже, чем кто-либо другой. Впрочем, из блокнота я решила сделать дневник чувств. В него я буду записывать все свои мысли, чувства и предположения. Признаю, что выговариваться мне некому, поэтому буду мучать бумагу своими мыслями. И каждый день буду записывать сюда разные штуки, цитаты, мысли, планы и так далее. Сейчас главная цель – выспаться. Завтра утром поговорю с Галей, и мы вместе оформим документы. Останется только следовать ее указаниям, потому что я сама в удочерении и документах не разбираюсь. А сейчас на часах 02:26. Спокойной ночи, дневник.

8

Прошло несколько дней. Галя удочерила меня; теперь она официально моя мать. Я хотела сообщить радостную новость Вике, но Галя сказала, что мы встретимся в парке. Сейчас мы прогуливались как раз среди маленьких деревьев, около лавочек и людей.

Галя мне рассказала, почему она не любит тетю Вику. Хотя мне она очень нравится! Потому что только она пришла в трудный момент на помощь. Галя Вику просто ненавидела: она плохо готовит (Галя прекрасно печет, и ей не нравятся люди, которые не занимаются тем, чем она); Вика много рассказывает, а это лишь напрягает мою мать. А еще произошел случай,

когда Галя встретила своего мужа и Вику в не очень хорошем положении. К слову, у обоих этих сплетниц мужа погибли, и этим они похожи.

Слякоть, грязь и вода. Примерно так выглядела земля под ногами, в воздухе чувствовалось тепло наступающей весны. Начался март; почти конец школьной четверти – уставшие школьники плелись домой; где-то среди этой толпы шли мои одноклассники: многие из класса живут в этом районе. Как же давно я их не видела. Вернее, я их даже не помню. Не знаю, как они выглядят, чем увлекаются, какие отношения у меня были с ними. Но одного я знала – Вика успела мне рассказать про моего друга детства и ее сына. Показывала мне фотографии, рассказывала истории. Может, поэтому меня так тянуло общаться с ним?

На фотографиях передо мной был парень лет семнадцати. Рыжие волосы, угрюмый взгляд серых глаз – мечта любой девушки. Но не моя, как я думаю, мы просто друзья детства. С Артуром мы знакомы еще с садика – я тогда не играла в куклы, но обожала побегать, покидать мяч. Бывали случаи, когда я дралась с мальчиками, да и с девочками тоже.

По словам Вики, мы большинство времени проводили вместе. Именно это были прогулки после школы, различные походы наших семей на пикники простые развлечения. Хотя у меня характер не малина, общение было очень хорошим. После школы часто гуляли, иногда попадали в такие места, что еле выбирались живыми; строили шалаши, а один раз перебирались с каких-то развалин через забор детского сада, по дереву – и обратно.

Если бы у меня был выбор между тысячей долларов, общением с завистливыми подружками и Артуром – я выбрала бы последнее. Даже несмотря на то, что я почти ничего не помню. Хотя отрывки воспоминания все же всплывали в голове; но это были лишь обрывки, и иногда я совсем не могла их соединить. Словно мне дали огромную кучу пазлов, и ни один не подходил к другому. А потом оказалось, что все эти пазлы из разных наборов. Воспоминания могли прорываться даже через сон – и это тот случай, когда не можешь понять, на самом деле происходило действие или нет. Так, о чем это я? Ах да, об Артуре.

Вика рассказала, что сейчас он изменился. «Теперь он стал серьезным пофигистом, и я не знаю, что с этим делать,» – часто упоминала она. А я не могу ей помочь – может, взросление, оно такое? Когда ты более заинтересован в своей жизни, а не в советах родителей и их строгости. К слову, мать у Артура то, что надо. Она очень строгая! Или просто одинокая?

Если человек начинает интересоваться в своей жизни больше, чем в остальном, это нормально. Скучный взрослый назвал бы это «переходным возрастом», а я называю это «формированием личности»; расставление приоритетов, жизненных ценностей, осмысливание отношений с кем-либо – не переходный возраст. Как всегда, взрослые ничего не понимают, даже не пытаюсь вспомнить себя. А толку? Времена меняются, люди тоже – это нужно принять. Нет смысла стараться менять нынешнее поколение. Оно не изменится; не станет таким, как в 90-тых. Потому что технологии, образование, стереотипы, все стало другим. Все поменялось, а консерваторы остались. Именно такие люди все время кричат о «плохом поколении», о том, что «раньше было лучше».

Я часто ссорилась со взрослым человеком, хотя сейчас даже его лица не помню. Он с яростью твердил мне, что я ни на что не способна, не умею творить, не приношу пользы остальным. Еще чаще человек кричал, что новое поколение потерянное. Что его нельзя исправить, иначе все были бы... А вот этого не помню, хоть тресни.

Но если почитать учебники истории и открыть величайший источник – интернет, можно узнать, как все было в те времена. В те самые «хорошие» времена, когда все были равны.

Тогда подростки с детства начинали работать, были жесткие принципы и идеалы, строгая дисциплина. Сейчас у детей есть свобода выбора, бесконечный источник информации – интернет, и не нужно держать и запоминать все в голове. Сильное отличие того времени от нынешнего – свобода. Свобода выбора ориентации, профессии, жизни, внешности, в конце

концов. Раньше было принято стучать правительству о всех не соблюдениях правил – сейчас этого нет. Но иногда жалеешь, что сейчас нет таких жестких правил в плане закона.

Мы также поколение, которое не боится самовыражаться, высказывать мысли, творить, принимать людей такими какими они есть, старается самореализоваться и достигать целей. Некоторые подростки успешнее нынешних взрослых. А взрослые злятся – они не достигли чего-то в своё время, и хотят, чтобы новое поколение не достигло... Ведь гораздо сложнее идти в ногу со временем и изменится самому, чем принять, что люди достигают, чего хотят? Когда ты был в их возрасте, ты не мог этого сделать; а они могут. В этом и заключается вся проблема консерваторов.

Я поёжилась. На улице холодно: пронизывающий до костей ветер словно поёт серенады, гоня бесконечные облака. Куда они плывут? Наверняка в тёплые страны. Но мне, человеку, туда и не надо – холодный ветер и без того греет холодную душу. А природа в начале весны отвратительна: пасмурное небо, грязь, мокрые кроссовки.

Мы с Галей сели на лавочку, она сидела в телефоне, а я скучала. Было бы здорово залипать в соц-сетях, но я не зря прихватила дневник и скетчбук (блокнот для рисования). Поэтому я достала из рюкзака простые карандаши и блокнот. Шероховатая поверхность акварельной бумаги позволяла рисовать все что угодно и чем угодно; плотность бумаги выдерживала почти любой материал. Но сейчас для этого не было необходимости: я взяла с собой только карандаши.

Короткие штрихи появились на бумаге и воплотили форму воробьев, крутящихся у лавочки. Вот оперение, голова, клюв, перья... Словно вылепливаешь шустрюю птицу, только объём создается не на ощупь. Объём создается на бумаге.

К нам начали приближаться два человека: женщина высокого роста; она была одета в чёрное пальто от известного дизайнера, кожаные сапоги до колен, бордовые джинсы. Да, я узнала ее! Это Вика! Рядом с ней шёл сын, рыжие волосы... Вот я и встретила своего друга впервые после аварии. Было бы здорово о чем-нибудь поговорить, но сейчас момент не подходящий. Галя пошла Вике и Артуру навстречу, а я слишком увлеклась рисованием. Когда Галя ушла с лавочки, воробьи разлетелись в разные стороны, и я не успела их дорисовать. Я тут же прокляла ненужные шаги Гали, которые помешали завершить работу. Теперь я была вынуждена поднимать голову вверх, чтобы дорисовать птиц. Невольно я слышала разговор Гали и Вики. Я постаралась сделать отстраненный вид, словно слилась с пейзажем. Наблюдая за воробьями, я не издала ни одного звука, иначе мои птицы улетели в закат, а рисунок пошел коту под хвост. Получилось так, что я вправду слилась с природой: слышала шепот деревьев, далекое пение какой-то птицы. Дорисовав рисунок, я сфокусировала внимание на разговоре, который шумел на фоне несколько секунд:

– Галя, мы с тобой так давно не виделись! – воскликнула мать Артура.

– Вика, мы виделись на прошлой неделе.

Галя и Вика обсуждали все в округе: погоду, учебу, новый проект строителей (откуда они вообще о нем знают?), проходящих мимо людей и их внешность. В конце концов, разговор двух женщин-сплетниц зашел обо мне. Я с отсутствующим видом разглядывала ветки деревьев, которые колыхал ветер; следы птиц и собак на мокром снегу; смотрела на людей, но не осуждала их внешность, как это делали Виктория и моя новая мать.

Я достала наушники, чтобы послушать музыку и отвлечь внимание обсуждающих меня женщин. С музыкой гораздо лучше скучать: она усиливает интерес ко всему происходящему. Впрочем, разглядывать пейзаж мне быстро надоело, а из-за долгого рассматривания и рисования устали глаза.

Виктория и Галя вновь искоса на меня посмотрели. Я терпеливо вздохнула и понадеялась, что меня никто не тронет и мы с Галей спокойно вернемся домой. Но та меня позвала,

и пришлось разговаривать с женщинами, а мне этого не хотелось. Пришлось встать и подойти к ним.

– Как твои дела? Ты звонила родственникам? – сразу спросила Виктория.

– Мои дела – отлично, а до родственников не дозвонилась: у папиной сестры уже другой номер, у бабушки телефон выключен, – спокойно ответила я.

– Не волнуйся, все обязательно будет хорошо, – подмигнула Вика.

– Может, зайдете к нам на чай? – скучающе сказала Галя.

– Мы бы с радостью, но нам нужно торопится. Да, Артур? – окликнула Вика сына, который уже общался со своими друзьями. Этому я была рада, мне проще поговорить с ним потом, чем в присутствии этих дам.

– Ладненько, я была рада увидеться, – протянула Виктория. – До встречи.

– Тоже была рада тебя видеть, если будет время, обязательно заходите в гости! – улыбнулась Галя очаровательной улыбкой, она точно что-то задумала.

Я бросила краткое «До свидания»; Виктория развернулась на каблуках и быстрым шагом ушла.

9

Мы с Галей вернулись домой, решили жить в моей квартире. Она, конечно, не моя, но я буду говорить так, это понятнее. Я снова вернулась в этот опустевший дом; только теперь он был чистым. Но оставаться здесь все же было грустно: пустота дома создавала пустоту в душе. Словно дом лишился своей особенности, своей души. Теперь это были лишь бетонные стены и минималистичный интерьер.

Так много хочется вспомнить, но я не знаю, где искать хоть что-нибудь об этом доме, об Артуре, о друзьях, о родителях, о событиях. Напомню, что мое прошлое я видела лишь отрывками: но даже те были блеклыми и неинтересными. Я решила, что восстановлю большую часть воспоминаний; буду искать записи, фотографии, и попытаюсь связать их с отрывками в голове. Если отрывков больше не останется, начну копать глубже и обязательно вспомню то, что нужно.

Тогда я разулась и сразу стала искать свою комнату: в ней должно быть больше воспоминаний, чем в моей голове. А ведь вчера я в нее даже не зашла и спала в спальне родителей. Я нашла ее – комната с бежевыми стенами, простой и эстетичной мебелью и кучей украшений, вроде выключенной гирлянды со звездочками, пробковой доски с фотографиями, картинами художников. Некоторые картины нарисованы моей рукой: внизу холста есть моя еле заметная подпись. На стенах не висели плакаты, было немного полочек с пыльными книгами. Я провела рукой по столу, стене, книгам, села в кресло. Я поняла, что это моя комната, мне сразу понравилась цветовая гамма; я посмотрела на верх, а на потолке оказался целый космос с созвездиями и лампочками. Очевидно, что это свет. Выглядело слегка по-детски, но чертовки красиво, особенно при включенном свете.

А подоконник сделали мини-диванчиком. Я сразу плюхнулась на него, уставившись в окно. В такой комнате питерские многоэтажки выглядели маленькими домиками. Висел персиковый тюль, полупрозрачной сеточкой он закрывал подоконник и окно. Я вновь стала осматривать комнату, но кроме украшений, растений и простого, минималистичного интерьера я не заметила ничего необычного. На стене был телевизор, под ним стоял комод с вещами. В уголке стояло зеркало во весь рост и шкаф, очевидно, с платьями и прочими нарядами. В шкафу также была косметичка и бижутерия в небольшом количестве. Шкаф был с подсветкой, и я, как маленький ребенок в восторге глядела на все эти вещи. В комод лежали свитера пастельных цветов, а также немного ярких (желтый, черный, даже радужный) цветов. Еще множество футболок и рубашек, но они были с минималистичным дизайном, цитатами. Чер-

ные джинсы, кофта, рюкзак – стандартный набор Диля. Рюкзаков тоже огромное количество: от совсем маленьких, до больших; от черных и до белых. Не знаю, зачем так много рюкзаков, но мне нравится!

В шкафу висели платья, летние комбинезоны и старые, зимние, осенние и весенние куртки, ветровки. В косметичке словно открылся новый мир: очень много предметов, теней, помад, ненужных штук и непонятных вещей, вроде нескольких кремов, отличавшихся только словом в названии. Может, раньше я смыслила в косметике, но сейчас я не могу различить оттенки помады «Гранат» от оттенка «Алый призрак».

Я дошла до стола: он раздвигался в две части, что делало зону для уроков и творчества еще больше (а места занимало меньше!). На стене висела пробковая доска с рисунками, красивыми цитатами и фотографиями. Фото я взяла себе, чтобы после осматривания комнаты разглядеть их поближе. На столе царил творческий беспорядок: очевидно, что я куда-то быстро собиралась. Разбросаны тетради, блокноты, карандаши, в углу лежала скомканная бумажка, рядом лежала стопка книг. Я взяла некоторые тетради и положила их на пол, чтобы позже вернуться к ним.

Над столом висела полочка, с учебниками, тетрадями, блокнотами и прочими мелочами. Я решила достать все исписанные блокноты, и положила их рядом с тетрадями, на пол. Учебники меня сейчас мало интересовали; учебная программа подождет, а вот воспоминания могут улетучиться по одному щелчку пальцев.

После я осмотрела комнату несколько раз, стараясь найти еще что-нибудь. За открытой дверью стояла небольшая коробка; она была очень тяжелая, и мне пришлось ее двигать. Я пододвинула коробку к блокнотам и тетрадям, села на пушистый белый ковер, открыла коробку. Коробка была снизу доверху заполнена блокнотами, картинками, письмами, плакатами, журналами, было пару кофт и альбомов фотографий. На поверхности лежал лист бумаги; на одной стороне было написано «МЭМОРИС», я понятия не имела, что это значит. Чуть позже я узнала, что это слово означает «воспоминания» в переводе с английского. А на другой стороне листа было написано письмо. Возможно, это мое обращение к самой себе:

«Привет, Диля! Сейчас мне пятнадцать лет, и я – это ты. Скорее всего, ты в будущем. Может, я пересмотрю эти записи через месяц, а может, через год и десятилетия. В любом случае, пересмотреть все, что здесь находится, ты не сможешь сделать за один день. Хоть листай дневники днями и ночами, это невозможно для меня также, как посмотреть 8 сезонов «Американской истории ужасов» за один день. Быстро устают глаза и тупо смотреть в экран весь день – это ужасно и занимает слишком много времени. Так что совет: читай и смотри записи по чуть-чуть, вникай в смысл прочитанного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.